

мынской культуре. Исключительно интересен пещерный монастырь X в., вырытый в меловой скале у с. Басараб, на стенах которого обнаружено свыше 100 надписей и рисунков. В нескольких докладах были подведены итоги изучения молдавских средневековых крепостей (Бырлада, Сучавы, Ясс и других), имеющего большое значение для освещения истории румынского народа.

На пленарных заседаниях и заседаниях этнографической секции, работавшей под руководством проф. Вуйя, было заслушано 16 докладов, посвященных вопросам этнографии Румынии и юго-запада СССР. Доклады были посвящены таким проблемам, как «Итоги и задачи румынской этнографии» (проф. Р. Вуйя), «Проблемы изучения скотоводства на территории РНР» (И. Влэдуцу) и конкретным вопросам изучения румынской народной культуры: подземного и наземного жилища, занятий населения, различных особенностей погребальных обрядов у румын и т. п.

Советские и румынские этнографы, в отличие от археологов, встретились на таком семинаре впервые. Судя по этнографической литературе, выходившей в Румынии в послевоенные годы, по ряду вопросов методологического характера часть румынских этнографов придерживается еще взглядов, господствовавших в дореволюционной румынской этнографии. В основном это сводится к тому, что они не рассматривают этнографию как историческую науку, а связывают ее теснейшим образом с географией, физической антропологией и т. п., и в этом их отличие от советской этнографической школы. Эта точка зрения прозвучала и на семинаре и особенно отстаивалась профессором Вуйя, доклад которого был посвящен изучению народного жилища. Однако следует отметить, что большинство румынских ученых уже не придерживается указанных позиций, разделяет взгляды советской этнографической школы. Выразителем этой части этнографов на семинаре был И. Влэдуцу, выступивший с докладом об изучении проблем скотоводства на территории Румынской Народной Республики.

Следует подчеркнуть, что на семинаре с большим успехом выступили молодые румынские ученые (М. Комша, Г. Дьяконы, И. Влэдуцу), показавшие, что они способны ставить и решать важнейшие научные проблемы археологии и этнографии. По всем докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли активное участие и члены советской делегации.

Подводя итоги работы семинара, директор Института археологии и этнографии АН РНР акад. Э. Кондураки и ряд других ученых отметили его плодотворность, необходимость укрепления дальнейшего сотрудничества между советскими и румынскими археологами и этнографами и выработали конкретный план этого сотрудничества на 1959 г.

После окончания теоретической части семинара его участники ознакомились с археологическими и этнографическими материалами и памятниками в Бухаресте, Сибину и Куртя де Арджеш.

Труды семинара, в частности доклады советских делегатов, приняты к опубликованию в изданиях Академии наук РНР.

Г. Б. Федоров, М. Я. Салманович

ПОЕЗДКА К ТУРКМЕНАМ-САКАР

В 1956—1958 гг. по заданию Института этнографии АН СССР проводилось сплошное этнографическое обследование населения Чарджоуской области. В связи с этим мною дважды была совершена поездка к туркменам-сакар, живущим на территории сельсоветов Гарамахмуг, Хожайнабек и Сяядагсакар Куйбышевского района и сельсоветов Гызан и имени Тельмана Саятского района.

Сакары в прошлом — одна из многих племенных групп туркмен Бухарского ханства, ныне входят в состав туркменской социалистической нации.

По свидетельству Абульгази, сакары ведут свое происхождение от родоначальника по имени Кабаджык, отцом которого был Кара-Гази-бек; генеалогическое родство последнего через 14 поколений (имен предков) прослеживается до Салор-кагана и далее через два поколения до Огуз-хана, легендарного предка туркмен¹. По приводимым Н. Г. Галкиным легендам, сакары происходят от Сеюн-хана, сына Узун-хана². Капитан Н. Н. Муравьев, посетивший Хиву в 1819 г., при перечислении туркменских племен называет и «сахкар» численностью 20 тыс. кибиток, живущих вблизи «Бухарии»³. О сакарах, обитавших в окрестностях Старого Чарджуя в 1822—1823 гг. и имевших

¹ Абуль-Гази Богадур-хан, Родословная туркмен, Асхабад, 1897, стр. 62-64, 66.

² Н. Г. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1849, стр. 5.

³ Рукописный экземпляр таблицы туркменских поколений, составленный Н. Н. Муравьевым в 1819 г.

свою крепость, сообщают и хивинские источники⁴. А. Борнс, посетивший Чарджу в 1831 г., в числе обитавших здесь туркмен отметил и 2 тыс. семейств сакаров⁵. Сведения же Н. Г. Петрусевич, племя сакаров обитало по левому берегу Аму-Дарьи в 25 верстах выше Чарджуя, в числе 3 тыс. кибиток⁶. О пребывании здесь в середине XIX в. сакаров сообщает и Агехи⁷. Численность сакаров в 1925 г. составила 11 431 чел.⁸

Легенды, записанные нами во время пребывания среди сакаров, подтверждающие некоторые сведения приведенных литературных источников, связывают происхождение этой группы с именем Эрсари-баба. По преданию, их предки более 300 лет назад жили в места современного расселения из северо-западной Туркмении.

В легенде, рассказанной нам в колхозе «Большевик» Куйбышевского района летним Шамурадом Бакиевым и Тачбаба Арыковым, приводятся интересные факты, подтверждающие вероятность образования в XVI в. обособленной группы сакаров и их вхождение в Эсенхановский союз туркменских племен, занимавших почти до конца XVI в. обширную территорию от низовьев Аму-Дарьи до восточного берега Каспийского моря, включая Мангышлак, Сарыкамыш и Узбой. Литературные данные и свидетельства стариков-сакаров позволяют заключить, что их предки, как и предки туркмен-эрсари, салоров и других групп, в связи с прекращением стока воды Аму-Дарьи в Сарыкамышскую впадину, обусловившим прекращение там земледелия и разорение туркменских поселений, — вынуждены были уйти на юго-восток, в Хорезмский оазис и долину среднего течения Аму-Дарьи, т. е. в места их современного расселения.

О давности обитания сакаров к югу от Старого Чарджуя (ныне Комсомольск) свидетельствует довольно густая старинная ирригационная сеть, носящая большей частью названия их родовых подразделений, а также выстроенная еще в XVII в. в районе их постоянного обитания крепость Сакар. Здесь они составляли особую племенную группу, в которую входили четыре рода (уруг) — хожанабек, гарамахмут гызан-мен и сыядагсакар. Каждый из них в свою очередь расчленился на более мелкие подразделения — тире (см. схему). В их состав, кроме родственных подразделений, входил небольшой по численности этнический компонент из других иноплеменных групп — тюркоязычного населения, например подразделения чагатай; потомки его в нашей стране, принимая себя к сакарам, указывали, что их предками были узбеки и жили на занимаемой территории задолго до поселения здесь родовых подразделений сакаров, а также, что чагатайцы в культуре и быту имели некоторые особенности, но в настоящее время уже ничем не отличаются от их соседей туркмен-сакаров⁹.

Кроме чагатайцев и хорасанлы, в состав сакаров, видимо, входили на основе приобретения земли в личное пользование, и другие небольшие обособленные группы — отдельные хозяйства. В дальнейшей совместной жизни эти мелкие группы постепенно приобщались к общему языку, культуре и быту сакаров. Процесс формирования из отдельных племенных групп туркменского народа завершился лишь в годы социалистического строительства.

От 87-летнего Халбаба Мередова и некоторых других лиц из колхоза имени Ленина Куйбышевского района мы узнали о давних историко-культурных связях сакаров с эрсаринцами и даже с салорами Серахса. Оказалось, что общение сакаров с эрсаринцами и даже с салорами кишлака (арыка) Лебаб, расположенного в пределах современного Карабекаульского района, в течение более пяти поколений было постоянным. Эти связи подтверждаются общностью некоторых элементов материальной культуры, в первую очередь женской одежды и вышивок на тюбетейках. Тесное общение продолжается и поныне: представители названных групп практикуют взаимные браки, часто посещают друг друга и т. д.

Кроме этнической принадлежности и истории расселения сакаров, нас особенно интересовали их исконные хозяйственные занятия, формы владения землей и вооружения в прошлом, их традиционные орудия и приемы труда, характер расселения, тилы жилищ, его убранство, особенности одежды, украшений и некоторые другие вопросы культуры и быта.

По литературным данным, туркмены долины Аму-Дарьи (следовательно и сакары) занимались преимущественно скотоводством. В действительности их основным занятием со времени расселения на занимаемой территории было поливное земледелие; но более по значению место в их хозяйстве занимало отгонное скотоводство. Земледелие сочеталось с отгонным скотоводством, и ремесло, связанное с переработкой продуктов сельского хозяйства, а также с изготовлением различных предметов домашнего обихода и орудий труда (рис. 1), — исконные и основные отрасли хозяйства сакаров второй половины XIX в. В настоящее время эти отрасли получают все большее развитие.

⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (в дальнейшем цит. МИТТ), т. М. — Л., 1938, стр. 422.

⁵ А. Борнс, Путешествие в Бухару, ч. III, М., 1849, стр. 349.

⁶ Н. Г. Петрусевич, Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоём) и северными окраинами Персии, «Записки Кавказского отдела Русского географического общества», кн. XI, вып. 1, Тифлис, 1880, стр. 3.

⁷ Агехи. Зубдет-ут-таварих, МИТТ, т. II, стр. 524.

⁸ Государственный архив Чарджоуской области, ф. 55, оп. 1, д. 156, лл. 56—57.

⁹ Полевая запись автора 1956 г., № 11.

пространение и значение в хозяйственной жизни туркмен. Они по своему удельному весу в различных районах и на разных исторических этапах имели не одно и то же соотношение, хотя в целом земледельцы (чомур) всегда численно преобладали над скотоводами (чарва). Об этом убедительно свидетельствуют чрезвычайно густая действовавшая до революции ирригационная сеть и оседлый образ жизни всех сакаров. Если бы преобладало скотоводство, требовавшее значительно меньшей затраты труда, чем земледелие, то вряд ли основная масса сакаров так стойко держалась бы за землю, для орошения которой каждый земледelec — чомур затрачивал ежегодно по 50, 80 и даже по 125 рабочих дней на тяжелые работы по очистке и поддержанию местной ирригационной сети.

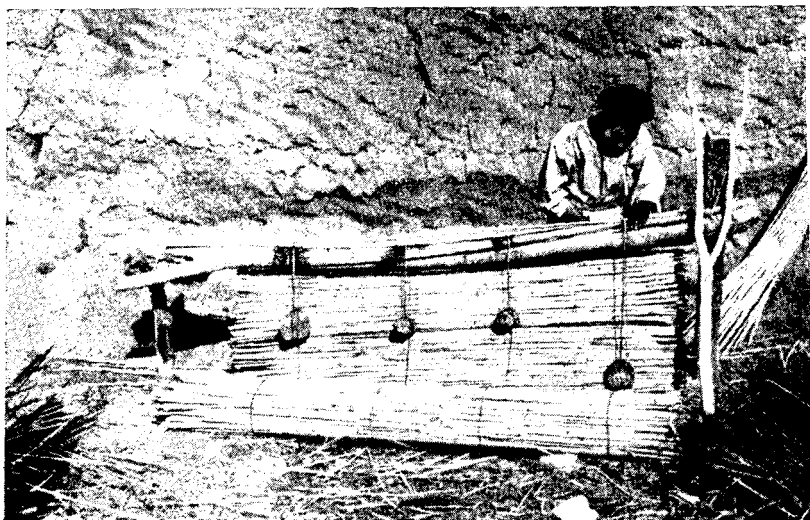

Рис. 1. Изготовление камышовой цинковки

Некоторое число дайхан, кроме того, дополнительно с помощью чигиря орошало свою землю, расположенную выше уровня воды в арыке.

Как показывают данные бюджетного обследования 1925 г., чисто земледельческие хозяйства — чомур по своей хозяйственной мощности стояли гораздо ниже смешанных земледельческо-скотоводческих. Бюджет скотоводческих хозяйств тоже значительно отставал от смешанных хозяйств, получавших в предреволюционные годы все большее распространение¹⁰. Так как условия хозяйственной деятельности дайханства и его орудия труда, по словам стариков-сакаров, оставались в течение столетий неизменными, то очевидно, что результаты обследования 1925 г. отражали в известной мере положение, существовавшее не только в начале XX или во второй половине XIX в., но и в более раннее время. Некоторые сдвиги в сторону интенсификации земледелия наблюдаются лишь в конце XIX — начале XX в. под влиянием проникновения товарно-денежных отношений и развития хлопководства, шелководства и каракулеводства.

В системе поливного земледелия сакаров, как и других групп туркмен долины Аму-Дарьи, господствовали парцелярность и чересполосица. По сведениям большинства пожилых колхозников, с которыми мы проводили беседы¹¹, свыше половины крестьян имели земли от четверти до двух танапов (0,1—0,7 га), расположенных нередко в разных местах. Эти сообщения подтверждаются и данными статистического обследования 1925 г., согласно которым 46% туркменского крестьянства имели землю в двух-трех, а 17% — в четырех и даже шести местах¹².

Земледелие сакаров, носившее натуральный характер, было основано на амляковой подворно-наследственной форме владения землей и на такой же примитивной технике, как и у других групп туркмен приамударьинских районов. Общими были у них приемы обработки земли, состав возделываемых культур (пшеница, джугара, люцерна и т. д.), употребляемые земледельческие орудия: деревянный омач — «сахты» с желез-

¹⁰ Центральный государственный архив Туркменской ССР, ф. 167, оп. 1, ед. хр. 152, л. 103.

¹¹ Полевые записи автора 1956 г., № 4, 6, 8; 1957 г., № 108, 109.

¹² Гос. архив Чарджоуской области, ф. 66, оп. 1, д. 4, лл. 500—501.

ным лемехом без отвала, «чаянпаза», борона «мала», представлявшая собою массивную доску с зубьями, лопата «пиль», мотыга «кетмень», серп «орак» и др. Молоты с помощью быков, лошадей или ослов, которых гоняли на току по колосьям. Зерно молотили на ручных или приводимых в движение ослом мельницах (рис. 2).

Специфична была система эксплуатации сакаров, обусловленная социальной природой феодального государства, каким было Бухарское ханство, с неограниченной властью эмира. Правящая верхушка ханства — крупные феодалы и кушбеки и амлякдары, дарга, райсы, торгово-ростовщические элементы города и кишлака, местная родоплеменная знать и байство — нещадно эксплуатировала трудовое дайханство. Одной из наиболее тяжелых форм эксплуатации трудовых масс был налог-рента «херадж», взимаемый за находящуюся в подворно-наследственном владении землю «эмлек ер». Земля эмлек ер, говорится в «Истории Узбекской ССР» «в XVIII—XIX вв. имела характер расчлененной собственности: распоряжалось землей и собирало налоги государство, ренту получали феодалы, а обрабатывали землю и наследственно владели ею мелкие крестьяне»¹³.

Рис. 2. Мельница, приводимая в движение ослом

Система сбора хераджа через амлякдаров (чиновников Бухарского ханства, ведавших этим делом) и их помощников «дарга» была разорительной для непосредственных производителей. Амлякдары и дарга при обязательном участии аксакалов, эминов, а иногда и мирабов, как представителей от того или иного родового подразделения, объезжали участки или харманы (ток) дайхан и произвольно, «на глазок» определяли размер подлежащего уплате хераджа, нередко достигавшего половины собранного урожая¹⁴. В тех случаях, когда амлякдар называл особенно высокий размер хераджа, эмин или аксакал «защищал» интересы отдельных дайхан и если добивался сокращения налога, то за такие услуги дайхан, кроме уплаты положенной сороковой доли урожая «защитнику», отработывал известное время в его хозяйстве. Кроме хераджа, дайхане платили ренту с посева люцерны и хлопка, с садов и виноградников. Если к этому добавить и другие поборы духовенства, эмина (старшины), аксакала (старейшины родового подразделения) и прочих представителей чизшей местной администрации, то станет ясной чудовищная эксплуатация ими сакаров и других родоплеменных групп.

Эмины и аксакалы, находясь в формальной зависимости от феодалов Бухары, под держивали с ее представителями — беками, амлякдарами, дарга и другими чиновниками — постоянную связь, выступая вместе с тем в роли «покровителей» своих сородичей. Их положение в туркменском обществе и тесная связь с чиновничьим аппаратом Бухарского ханства позволяли им систематически эксплуатировать сородичей и членов соседних земельно-водных общин, маскируя это пережитками патриархально-родовых отношений.

¹³ «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, Ташкент, 1955, стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 40; полевые записи автора 1956 г., № 4, 6, 8, 10; 1957 г., № 103, 108, 109, 113 и др.

Сказанное подтверждают сообщения 78-летнего колхозника Аннабаба Клычева из колхоза имени Сталина Куйбышевского района, 87-летнего Имамбаба Пирнепис — жителя сельсовета Гызан Саятского района и др.¹⁵

Пережитки патриархально-родовых отношений стойко сохранялись в общественной жизни сакаров, в системе управления, во взаимоотношениях членов земельно-водных общин, при организации работ по выполнению натуральной повинности, связан-

Рис. 3. Там-кепбе

Рис. 4. Кумбез-кепбе

ной с очисткой ирригационной сети, и т. д. Особенно устойчивыми они оказались в области семейных отношений, религиозных представлений, в различных обрядах и обычаях.

Завоевания Великой Октябрьской социалистической революции навсегда ликвидировали всякую возможность эксплуатации. Не останавливаясь на характеристике произошедших коренных изменений в хозяйственной деятельности сакаров, как и всего туркменского народа, укажем, что в настоящее время почти все они работают в колхозах с многоотраслевым высокотехнизированным сельским хозяйством, где земле-

¹⁵ Полевые записи автора 1956 г., № 4—10, 1957 г., № 108 113.

делие, в частности хлопководство, занимает ведущее место. Современный уровень сельскохозяйственной техники в колхозах, где живут и работают сакары, достаточно высок, а старые орудия труда используются кое-где лишь на небольших приусадебных участках.

Победа социалистической системы хозяйства обусловила коренное изменение в характере поселений не только сакаров, но и других групп местного населения. С 1940 г. почти все они переселились в колхозные поселки, которые по внешнему виду и планировке у сакаров мало отличаются от соседних поселений туркмен — эски,

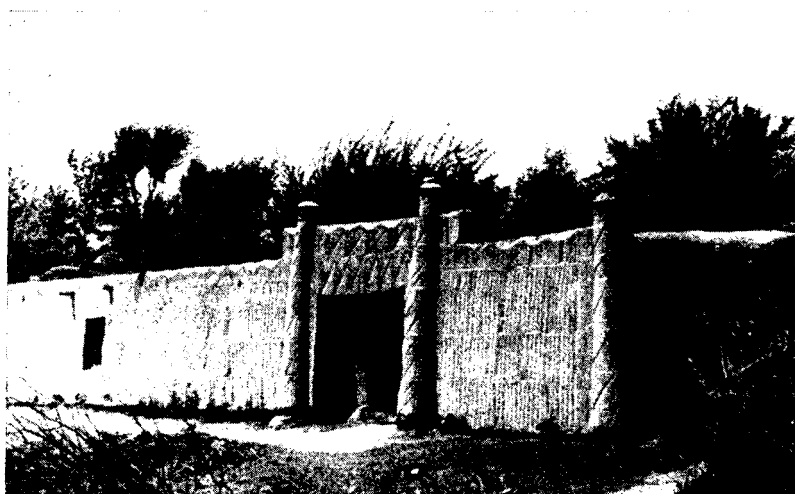

Рис. 5. Ховлы сакаров

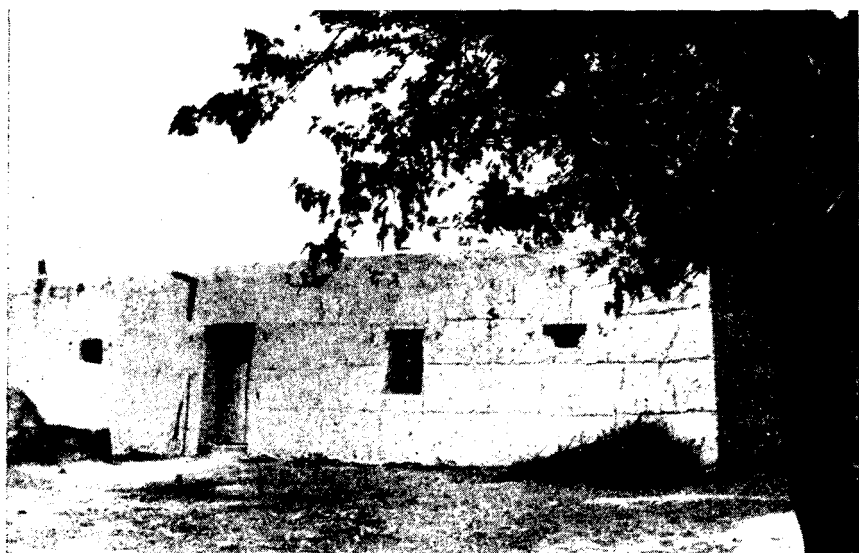

Рис. 6. Современный жилой дшм

тов, салоров и других групп. Современные поселения в большинстве имеют несколько прямых, довольно хорошо озелененных улиц. В центре поселка обычно находится площадь, возле которой расположены административные, общественные и культурно-бытовые здания. Большие изменения произошли и в области жилищного строительства.

Изучение жилищ и домашней утвари сакаров позволяет не только охарактеризовать коренные изменения их быта в результате социалистического строительства, но и воссоздать типы их жилища, его убранства в прошлом, помогает выяснению образа жизни, культурно-исторических связей сакаров с другими группами туркмен. Жилища их было разнообразно как по времени возведения, так и по типам построек. Во второ-

половине XIX — начале XX в. основным видом жилища бедняков-сакаров было «там-кепбе» прямоугольной, иногда круглой формы. Прямоугольный там-кепбе, состоявший из деревянного каркаса, покрытого камышом и обмазанного глиной, включал иногда две комнаты (рис. 3). Круглый же там-кепбе, называемый «кумбез-кепбе», сооружался целиком из камыша. Стены его обмазывали снаружи глиной на высоту 120—130 см до куполообразной его части (рис. 4). Там-кепбе имел отверстие в крыше или гончарного изготовления вмазанную трубу для выхода дыма из очага; кумбез-кепбе же таких отверстий не имел, и дым выходил через приоткрытую дверь или пробивался через куполообразную камышовую крышу.

В отличие от этих жилищ большее распространение имел небольшой одно- или двухкомнатный из пахсы (слоев битой глины) дом «там», с плоской земляной крышей, державшейся по обычаю обязательно на нечетном числе деревянных, нередко кривых балок, положенных прямо на стены. Жилище этого типа имело обычно примитивного устройства деревянную дверь, проем в стене, чаще всего размером 20—30 см, заменявший окно, и чуть большего размера отверстие в кровле для выхода дыма из очага.

К третьему типу жилища, который бытовал у состоятельной части населения, относится «там», также глинобитной кладки, имевший форму вытянутого прямоугольника и состоявший из двух, трех, а иногда и более комнат, нередко разделенных узким коридором или навесом, заменявшим «айван» (террасу). К такому жилищу иногда примыкал двор с хозяйственными постройками, огороженный глинобитным дувалом.

Жилище зажиточных сакаров располагалось внутри обнесенной высоким дувалом усадьбы, известной в литературе под названием «ховлы» (рис. 5).

Жилые дома колхозного дайханства значительно отличаются от дореволюционных. Колхозники, переселившиеся, как уже отмечалось, в поселки, строят себе новые, просторные, высокие, в большинстве благоустроенные дома из двух, трех, четырех и более комнат, с довольно большими окнами, дверьми, иногда с деревянными полами. Эти дома в значительной степени сохраняют традиции туркменской архитектуры и быта, но отличаются от прежних жилищ тщательной внутренней и внешней отделкой стен, потолка, кровли и т. д. (рис. 6). Комнаты, как правило, оштукатурены, окрашены и отделены от хозяйственных построек. Последние, как и раньше, сооружаются из камыша и обмазываются глиной.

Всюду широко распространилась новая система отопления с железными или чугунными печами и плитами. Вместо прежних тесных, грязных и темных жилищ, в которых многие семьи сакаров жили вместе со скотом, сакары-колхозники живут в просторных, светлых, теплых и уютных домах.

Элементы нового занимают довольно заметное место в убранстве дома и домашней утвари. Наблюдается тенденция все большей замены предметов старого типа новыми — кустарными или фабричными вещами. Наряду с этим в домах колхозников широко распространены предметы традиционного убранства, как, например, узорчатые кошмы и паласы или ковры, которыми обычно покрывают пол жилого помещения и комнаты для гостей. Видное место в убранстве жилища занимают плакаты, карты, фотографии членов семьи, родственников и знакомых. Наличие почти во всех жилых помещениях колхозников этого нового элемента убранства свидетельствует о зажиточности и росте культуры сельского населения. Вместе с тем оно выражает новую его идеологию и способствует формированию социалистического сознания у населения.

У сакаров широко распространена покупная мужская, детская, в меньшей степени — женская одежда. Однако традиционные формы, особенно женской одежды, продолжают сохраняться. Мужской и женский костюм сакаров по комплексу, покрою и терминологии, имея общие черты с костюмом многих других групп туркмен (рис. 7), в то же время отличается некоторыми деталями. Это заметно в традиционном женском костюме, в частности в головном уборе. Женский костюм, изменяясь в деталях, продолжает сохранять некоторые особенности, идущие из отдаленного прошлого. Это туникообразного покроя рубаша «койнек» и халат «дон», штаны «балок» с широким шагом, узкие у икр, вышитые цветными нитками. Головной убор женщин из бывших родовых групп гарамахмут, хожаннабек и сыдагасакар включает тюбетейку, два цветных платка и белый марлевый платок «хаса», а головной убор женщин-сакарок из группы гызан-мейре состоит из вышитой тюбетейки «кештели тайха», красного личека, красного платка, повязанного спереди узлом, и белого марлевого покрывала «хаса». Прослеживаются некоторые особенности и в вышивках мужских и девичьих

Рис. 7. Пожилой сакар в традиционном костюме

тубетеек. Орнаментальные мотивы вышивок у группы гызан-мейре находят некоторые аналогии в вышивках атинцев и текинцев, с их мелким геометрическим узором «канде», «ак-гайма» и др. Характерной особенностью костюма девушек и молодых женщин — сакарок, как и прежде, является многообразие серебряных украшений, значительно преобладающих над вышивками, выполненными шелковыми нитками (рис. 8).

Как было сказано выше, во время поездки к сакарам мы познакомились с их производственным бытом, семейными отношениями и культурой колхозного крестьянина. Были выявлены огромные преобразования и в этой области. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов, повышение уровня механизации производства, развитие всего общественного хозяйства содействовали успешному производственному, политическому и культурному развитию сакаров. Из их среды выросли многочисленные квалифицированные кадры колхозных работников. Изменилось общественное отношение к женщинам, которые в настоящее время играют огромную роль в колхозном производстве и под влиянием хозяйственных достижений, роста материального благосостояния

Рис. 8. Сакарки в современной одежде

и общего подъема культурно-политического уровня обрели полную свободу и фактическое равноправие. Обращает на себя внимание рост сознательности и активности колхозников, их социалистическое отношение к труду и общественной собственности.

Однако рост культуры сакаров еще отстает от темпов развития их производственной жизни и роста материального благосостояния. Не во всех еще поселках достаточно удовлетворяются все возрастающие культурные запросы колхозников, особенно тех их части, которая живет не в центральном поселке колхоза, а в так называемых участковых поселках. Так, культурно-просветительные учреждения колхозов «Большевик» имени Калинина и имени Сталина плохо обеспечены квалифицированными кадрами. Этим отчасти объясняется отставание культурно-массовой работы. Некоторые из культурно-просветительных учреждений, школы и т. п., не стали еще центрами пропаганды культуры и нередко содержатся в антисанитарном состоянии.

Перед партийными и советскими организациями республики стоит неотложная задача значительного улучшения и расширения партийно-политической и массово-разъяснительной работы. В основу должно быть положено улучшение воспитания учащихся, привитие им необходимых санитарно-гигиенических навыков, трудолюбия, правдивости, культурного поведения, любви к Родине, уважения к старшим и т. д. Особое внимание следует уделить борьбе с сохранившимися патриархальными и религиозно-бытовыми пережитками.

Решения XXI съезда КПСС, несомненно, послужат мощным стимулом не только ликвидации отставания в быту и культуре, но и к дальнейшему, еще большему подъему производственной жизни, материального благосостояния и культуры сакаров, как и всего туркменского народа.

Я. Р. Виннико